

Терехова С.С., Волхонская М.А. Рецепции фольклорных сказочных сюжетов в интернет литературе // Академия педагогических идей «Новация». – 2019. – №4 (апрель). – АРТ 162-эл. – 0,2 п. л. – URL: <http://akademnova.ru/page/875548>

РУБРИКА: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

Терехова Светлана Сергеевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературы
Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского,
г. Калуга, Российская Федерация
e-mail: svetl.semenova@mail.ru,
Волхонская Мария Андреевна
студентка очного отделения
Филологического факультета
Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского,
г. Калуга, Российская Федерация
e-mail: mifater@gmail.com

**РЕЦЕПЦИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ
В ИНТЕРНЕТ ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотреть современное переосмысление традиционных сказочных мотивов и образов литовской народной сказки «Эгле, королева ужей» на примере четырех, написанных на один поэтический челлендж, стихотворений онлайн поэтов в рамках постмодернистской традиции.

Ключевые слова: рецепции фольклора, интернет литература, современная поэзия, литовский и балтийский фольклор, «Эгле, королева ужей»

Terekhova Svetlana S.
Candidate of Philology
Assistant Professor of The Literature Department
Kaluga State University named after K.E. Tziolkovsky,
Russian Federation
Volkhonskaya Mariya A.
The fourth – year student
Philological Department
Kaluga State University named after K.E. Tziolkovsky
Russian Federation

RECEPTION OF FOLKLORE AND FAIRYTALE MOTIVES IN THE INTERNET LITERATURE

Annotation: The attempt to investigate the modern overestimation of traditional folklore motives and images of the Lithuanian national fairytale “Egle, the Queen of Serpents” is taken, with the example of four poems, made for one poetic challenge, written by online poets within the frames of post-modernist tradition.

Keywords: folklore reception, Internet literature, modern poetry, Lithuanian and Baltic folklore, “Egle, the Queen of Serpents”.

Культурные изменения и социальные процессы, ставшие их причиной, начались еще в XX веке, но существенное распространение и влияние получили только в последнее десятилетие XXI века, что связано не только с развитием интернета, но и с появлением социальных сетей, заметно упростивших процесс коммуникации ее участникам.

Когда Астрид Линдгрэн написала свою «Солнечную полянку» в 1959 году, ее издатель отнесся к книге скептически [1]: народные сказки считались безнадежно устаревшими. Но полвека спустя по всей Европе можно наблюдать тенденцию «Возвращения к корням» на всех уровнях

жизни общества: от оттока людей из городов в деревни [2], до популярности таких религиозных течений, как Викка [3] и различных ветвей неоязычества [4].

Хотя дауншифтинг – это не всегда жизнь в глухом лесу, а родноверие – вовсе не означает окончательное возвращение к культуре дохристианского периода в истории восточных и западных славян, популярность таких течений с каждым годом растет. И это заметно не только в социокультурных взаимодействиях, но и в том, как эти взаимодействия отражаются в современном культурном пространстве. В частности, в метатексте современной художественной литературы.

Так в 2018 году издательство АСТ выпустило серию «Ведьмин сад», в шести книгах которой авторы заново открывают для читателя европейский и славянский фольклор.

В сетевой литературе мода на фольклор еще очевиднее: в социальной сети «ВКонтакте» только в двух группах «Недетские сказки» [5],[6] зарегистрировано в общей сложности более двухсот тысяч участников, а ведь еще есть такие сайты, как «Author.today.ru», «Фикбук», «Проза.ру» и «Стихи.ру», и многие другие.

Все рецепции фольклорных мотивов в онлайн литературе по своему генезису можно условно разделить на две большие группы: европейские и славянские фольклорные мотивы. Так в главной группе «Недетские сказки» произведений за период с первого января по первое марта 2019 года, в которых встречается слово рыцарь (19), колдунья (18) и колдун (19), король (17) и королева (27), принцесса (30), а князь (15), ведьма (45), ведунья (7), знахарь и знахарка (5), леший (17), добрый молодец (4), а слова обряд (10) и ритуал (9) встречаются в совершенно разных по тематике произведениях. Тем не менее, необходимо помнить, что это деление

весьма условно, т.к. для большинства работ не применим параметр сохранения фольклорных традиций какой-либо местности или народности.

Тем не менее, при среднем количестве публикаций, равным 120 в месяц, процент записей, так или иначе связанных с фольклором, заставляет рассматривать это явление как некоторый тренд, а не только как случайные поэтические опыты разных авторов.

Однако есть авторы сетевой литературы, чье творчество полностью выстроено на мифопоэтике фольклора. В данном исследовании мы сосредоточимся на сравнительном анализе стихотворений только четырех авторов, объединенных общим мотивом литовской сказки «Эгле – королева ужей». Стихотворения приводятся в полном варианте и в авторской редакции:

Тео Маклин [7]:

Я, говорит, не люблю вас, король мой, но стану легко самой ласковою женой, верною, светлою, легкою, как перо, просьбу исполните — больше не будет просьб, только единожды не принимаю "нет": братья мои не позволят вас выбрать мне, сделают вечною частью речного дна; Надо убить их, как явятся в гости к нам. Голос дрожит, как листочек осины, и можно забыть то, что взгляд у нее змеин.

Рэй Фейра [8]:

под ладонью шуршит пластинками чешуя. кто полюбил бы, милая, коль не я, кто под венец повел бы, коль не змея? озеро — лед да узкая полынья. сани в снегу; широкая колея. я загодя знал, что будет, любовь моя.

не зверь колдовской, да силы не занимать. ведала б все — от страха сошла б с ума. пасть широка змеиная, да нема. сколько веков молчанием лед ломал — ты же в тот год пошла за меня сама. что на роду написано — нить пряма.

не перегрызть, хвостом ее не порвать, волшбы же во мне — сны вещице да слова. стяхнул чешую, чтоб милую целовать, увлек в свое царство — жить да повелевать. которую зиму славит ее молва, и сердце поет — да кружится голова.

узкий язык тревожится меж клыков, ступишь под лед — окажешься под замком. слушай заветы мудрости стариков: взглянешь в глаза спокойные без белков — заговоришь змеиным ты языком. сразу поймешь, родимая, кто каков.

сплю тяжело, свернувшись вокруг кольцом: вижу я сны, где гибель с твоим лицом, из году в год в подводной тени дворцов — нарядный фасад весь пестрый от изразцов, а чешуя топорщится от рубцов: по одному за каждый кошмар — семьсот.

семь сотен дней я вижу тебя и жду, знаю: любовь даруешь мне и беду. найду я тебя, любимая, уведу по мерзлому насту, до полыньи по льду, в царство свое я суженой приведу — не изменить, что писано на роду. загодя ведал: будешь ты горевать. волшбы же во мне — сны вещице да слова... берег озерный пеной пойдет, кровав, зваться тебе не женушка, а вдова, а спросят — бывал ли счастлив когда? бывал. и счастье то было — выше любых похвал.

Нордическая

[9]:

змейка в клубок свернулась безвольной ниткой, что ни попытка - ловят беглянку прытко, что ни ползок к родимому бережку, вяжут ее к разодранному мешку. змейке и плакать тошно, и взвиться страшно, каждый под утро тянет поближе к пашне, к вечеру гонит в подпол за молоком, помнить ли тут о ком-то, жалеть о ком. змейку не мамке бросили под укусы, но как не признать, когда она жметя грузно, как не прижать покрепче, не врезать в грудь - так, что теперь не выдохнуть, не вдохнуть.

Airheart [10]:

стало теперь так тихо в змеином царстве, злато огней под гладью воды померкло. как ни боролась ты, только оно напрасно, ты подвела их, дочь королевы Эгле. нет в тебе доблести, только одна погибель. ты-то и пригодишься мне, стан скрипучий — ветка ужом свивается на изгибе, но не дрожит. и клич наш теперь созвучен, когда мы вдвоём решаем немёртвых участь.

Эти стихотворения выбраны для анализа не случайно. Во-первых, каждое осмысляет известный сюжет литовской сказки, которые исследователи относят к древнейшим произведениям литовского и балтийского фольклора.

Во-вторых, все четыре стихотворения написаны примерно в одно время в рамках одного информационного поля (все они написаны на один поэтический челлендж).

Однако на этом их сходства не заканчиваются. Помимо сюжета стихотворения объединяет схожесть форм: все это стихи в прозе, во всех можно наблюдать современную тенденцию к игнорированию заглавных букв, во всех сказочная стилистика передана весьма условно: в основном с помощью лексики, которая может быть отнесена в современном сознании или к волшебной (король, колдовской, окажешься под замком, ритуальные или обрядовые числа (семь сотен лет)) или просто к архаичной (пашня).

Но каждый автор по-своему раскрывает заданную тему. Так в первом стихотворении автор описывает отсутствующую сцену предупреждения беды, в которой одновременно задействован мотив оборотничества: строфа *можно забыть то, что взгляд у нее змеин* допускает трактовку образа Эгле как невесты-оборотня. Это достаточно

распространенный для фольклора мотив, женитьба на оборотне встречается как в популярных русских сказках («Царевна-лягушка»), так его отголоски можно найти в культурах всех европейских стран (так сказка Андерсена «Дочь болотного царя» содержит мотив лебединой девы [11], который в свою очередь принадлежит к немецкому фольклору). Мотив оборотничества получит более яркое воплощение во втором стихотворении. Кроме того, предсказание Эгле о ее братьях позволяют отнести ее к ведуньям, и это тоже традиция фольклора. Однако упоминание о том, что невеста выходит замуж без любви – это примета современности. Любовь как основа для заключения брачного союза достаточно позднее социальное явление, связанное, прежде всего, с Индустриализацией. Поэтому в фольклоре заключение брака так редко связано со взаимной симпатией молодоженов.

И тема заключения брака подробнее раскрывается во втором стихотворении. Любовь как феномен социальных отношений – неоднозначное и условное явление. Как пишет С. М. Ли: «Любовь не только определяется культурой, но и является ее основой» [12], а так как это не врожденная, а приобретенная воспитанием способность, среди людей слишком часто возникает недопонимание любви, особенно в контексте интертекстуальных связей. То, что современный читатель может воспринимать как принуждение, далеко не всегда было таковым в историческом контексте. Дело в том, что эротическая любовь как некоторый высший идеал любви характерен только для индивидуалистического общества [13], к которому, конечно, не относится общество героев народных сказок. Таким образом трагедии героинь стихотворений, в которых авторы указывают, что в оригинальном тексте не было периода ухаживания Жальтиса за Эгле – исключительно модернистское явление.

Но есть во втором стихотворении требующий отдельного пояснения мотив. Мотив перехода в другой мир. В словах *ступишь под лед — окажешься под замком*, конечно скрыто большее, чем обещание одиноких лет супружества. Вода, традиционно связана со смертью. Перейти через мост – архетип смерти [14]. Это произошло с Иваном в сказке «Марья Моревна», когда он перешел по мосту в царство Бабы Яги, на необходимость перехода в сказочном сюжете, или в сюжете монофима указывают Пропп и Кемпбелл. Тогда Жальтис может быть не только супругом-оборотнем, но и повелителем царства мертвых, о чем можно найти доказательства и в самой сказке: все соседи сторонятся вернувшейся Эгле, которая при такой трактовке становится литовской Персефоной, а тяга братьев девушки к убийству ее мужа становится более объяснимой: желание победить смерть, и это уже является отголоском аграрных мифов о смене времен года.

Третье стихотворение наименее конкретно, с одной стороны оно может описывать отсутствующую в сказке сцену убийства Жальтиса братьями Эгле, с другой – это может быть как описание любой змеи, так и представление одного из подданных убитого короля ужей после трагедии. Интересно, как часто в подражании фольклору встречается упоминание молока. Хотя Березкин верно замечает [15], что теория архетипов Юнга не может восприниматься полностью научно, т.к. не может иметь эмпирических методов исследования, все-таки нам кажется важным отметить, что в третьем и четвертом стихотворении авторы последовательно упоминают молоко в сочетании со змеей, что с одной стороны может быть распространенным бытовым заблуждением о любви змей к молоку (этот миф приобрел массовый характер после выхода романа А. Конан Дойля «Пестрая лента»), а с другой в русском фольклоре встречается связка

молоко-змея, реже молоко-жаба/лягушка как способ выявить ведьму в доме. А затем уже в последнем стихотворении в стихах *ты-то и пригодишься мне, стан скрипучий — ветка ужом свивается на изгибе, но не дрожит. и клич наш теперь созвучен, когда мы вдвоём решаем немертвых участь*. Есть еще одно упоминание народной приметы: повешенная на осине убитая змея может ожить и укусить своего убийцу. Эти использования народных поверий являются неожиданной рецепцией фольклорных мотивов в современной поэзии, потому что общая стилистика произведений авторов не позволяет предполагать глубокого знакомства авторов с фольклорными традициями.

Но это не единственная интерпретация последнего текста. Мотив страшного предзнаменования, о котором мы уже говорили, получает в нем неожиданное разрешение. Относительно оригинальной сказки, здесь, конечно, идет речь о некоторых «последующих» событиях. Это может быть как мотив отмщения убийцам Жальтиса «решаем немертвых участь», так и новая интерпретация мотива повелителя смерти. Но в данном стихотворении тема «несущей смерть» дочери Эгле решена в необычном ключе: лирический герой стихотворения срезает ветку осины для изготовления оружия (можно решить, что это будет лук, но необходимо учитывать, что осина никогда не использовалась для изготовления луков или стрел из-за неподходящих для этого качеств древесины), так что такая интерпретация назначения осины возможна только при допущении некоторой условности.

Разумеется, в данной работе мы можем говорить лишь о рецепциях фольклорных мотивов в постмодернистском ключе, но никак не о стилизации под фольклор, однако богатство заимствованных из фольклора мотивов и образов, исключительные решения их использования позволяют

нам говорить об устойчивом становлении и развитии тренда на переосмысление фольклора в современной интернет-литературе.

Список использованной литературы:

- 1) Линдстен К. Астрид Линдгрэн и шведское общество // Неприкосновенный запас, №1, 2002 г.
- 2) Лисова Е.В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология. Т.9., № 2, с. 56-66, 2008 г.
- 3) Прокофьев А., Филатов С. Б., Коскелло А. С. Славянское и скандинавское язычества. Викканство // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / изд. — М.: РОССПЭН, Московский центр Карнеги, 2009. — С. 295—329. — 341 с
- 4) Агальцов А. Н. Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен / дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.14. — Тула: ТГПУ имени Л. Н. Толстого, 2010. — 133 с.
- 5) <https://vk.com/cruelfairytales>
- 6) https://vk.com/cruelfairytales_vol2
- 7) <https://vk.com/theomaclean>
- 8) <https://vk.com/feyra>
- 9) https://vk.com/a_nordian
- 10) https://vk.com/public.php_airheart
- 11) Лебединые девы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907
- 12) Ли С.М. Любовь как социальный феномен // Вестник Челябинского государственного университета / Философия. Социология. Культурология. Вып. 19, с. 61-64, 2010 г, № 31
- 13) Ивин А.А. Многообразный мир любви // Философия любви : в 2 ч. Ч. 1. М., 1990 г., с 10
- 14) Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики, Л. 1989 г.
- 15) Березкин Ю.Е. Мифы глубокой древности // Природа № 4, 2005 г.

Дата поступления в редакцию: 20.04.2019 г.

Опубликовано: 27.04.2019 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2019

© Терехова С.С., Волхонская М.А., 2019